

ВИКТОР СЛИПЕНЧУК: ЗИНЗИВЕР

«7+7Я» продолжает публиковать отрывки из книг, которые стоит почитать.

Вромане русского писателя Виктора Слипенчука «Зинзивер», где фантастичность грёз иногда реальнее яви, а явь похожа на абсурдный сон, легко узнаётся постсоветская жизнь начала девяностых. Это историческая повесть о переломном моменте в политической и социальной жизни российского государства. Вместе с тем это глубоко лирический роман о любви, предназначении творчества, трагическом сплетении характеров и судеб.

Недавно вышел в свет французский перевод романа. «Зинзивер» также переведён на китайский и украинский языки.

«Возвращение в конуру всегда было тягостным, особенно после свадьбы. И вовсе не потому, что резче обычного бросались в глаза нищета и убогость обстановки. Виною были переживания, связанные с Розочкой. После

встречи с нею одиночество и безысходность овладевали с такой силой, словно она ушла только что.

А обстановка, увы, даже нравилась.

Кухонный стол, он же письменный и он же хозяйственный – в некотором роде верстак для починки домашней утвари.

Над столом – уже известная лампа с чашечкой абажура, прикрученная проволокой к стояку батарее.

Кухонная табуретка, она же – рабочее кабинетное кресло.

Невероятной ширины спальная кровать без пружин – из-под матраса выглядывало довольно обширное поле теннисного стола, которое попутно служило оригинальной лавкой. (Во всяком случае, всякий, кто усаживался на неё, не обходился без комплимента: оригинально, очень оригинально-с!)

Сразу за входной дверью, в левом углу, – стопки книг и кипы рукописей, перетянутых и не перетянутых шпагатом, лежащих на полу развалами, прислонёнными к боковой стене. Здесь же, поверх книг и рукописей, моё демисезонное пальто, напоминающее крылатку, пошитое в пору гайдаровских реформ из общежитского байкового одеяла и названное „сезонным шоковым“. (В самом деле, появляясь в нём на улице, я шокировал всех прохожих. Мало того, что останавливались как вкопанные, ещё и растерянно провожали взглядом, точно какого-нибудь южноафриканского страуса.) Вместе с крылаткой лежала и другая одежда и одежка. В общем, и её, и книги, и всякие там рукописи я содержал как бы в шкафу, под аккуратно накинутой на них простынёю.

Ничего другого из мебели не было, да и не могло быть. То есть когда-то было, но Розочка увезла. И правильно! Зачем мне холодильник, что в нём держать? Телевизор – опять вопрос, потому что и без него могу смотреть „До и после полуночи“. Платяной шкаф тоже не нужен. А уж книжный – и подавно, отставшие и надорванные обои гораздо удобнее любого шкафа и любой этажерки. Я засовывал под них не только газеты, журналы и книги, но и всякие другие вещи, которые каждую минуту могли понадобиться. Для меня стало правилом: в быту – никаких излишеств. Итак, благодаря многоцелевому назначению предметов порой казалось, что роскошествую и в своём обиходе вполне бы мог обойтись меньшим. Тот же старинный уют на рукописи, раскрытый, точно пасть крокодила. Судя по застарелым окуркам, карандашам и ручкам, торчащим из него, смело можно было заключить, что он многоцелевой: и тебе пресс-папье, и пепельница, и письменный прибор, и, конечно же, если доведётся, грозное оружие самообороны. И это при всём при том, что хотя и редко, но всё же случалось его использовать по назначению.

Словом, никакой нищеты и тем более убогости не чувствовал. Иногда, правда, уж очень хотелось есть. Кажется, так бы и закричал: е-есть, е-есть! Так бы и побежал куда глаза глядят в своей крылатке. Но я научился управлять собой.»

